

Святослав Рихтер

В конце февраля 1960 года великий советский пианист Святослав Теофилович Рихтер отправился в гастрольную поездку по Финляндии. Этому событию предшествовала многолетняя, сопровождавшаяся драматическими поворотами борьба.

Я употребил это слово, хотя скорее подошло бы «возня». Дело в том, что «органы» зачислили Рихтера в невыездные, сочли, что стоит ему пересечь границу и назад он уже не вернется. Понять их можно, у Святослава Теофиловича имелись к тому все основания. Рихтеры из обрусевших немцев, приехавших в Россию в незапамятные времена, скорее всего еще при Екатерине II. Чем занимались родители пианиста, я не знаю, но отца музыканта арестовали в 1937 году и осенью 1941 года расстреляли. Мать Святослава Теофиловича, русская, во время войны оказалась в оккупированной Одессе. Когда наши войска освобождали Одессу, она, опасаясь преследования со стороны органов, ушла с немцами и осталась в Западной Германии.

Сам Рихтер с момента ареста отца все отношения с родителями прекратил, но это ему не очень помогло. Он концертировал в Советском Союзе, в 1950 году даже удостоился Сталинской премии, выезжал в Чехословакию, Польшу, Болгарию, Румынию, но далее на Запад путь ему был заказан. В 1956 году министр культуры Михайлов предложил послать Рихтера в ГДР на торжества, посвященные 100-летию Роберта Шумана. Его поддержал Отдел культуры ЦК, Брежнев, тогда секретарь ЦК, наложил резолюцию «Согласен», но... после возвращения документов Рихтера из КГБ и звонка Серова «вопрос с обсуждения сняли». В органах опасались, что в ГДР за Рихтером не уследить, проход из Восточного в Западный Берлин открыт. В общем, в поездке Рихтеру отказали.

В 1958 году все тот же Михайлов делает еще один заход, просит разрешить Рихтеру гастроли сначала в США, потом в Англии, затем в Италии, Франции, Западной Германии. Но все снова уперлось в генерала Серова. В конце 1958 года Серова в КГБ сменил Шелепин, и Михайлов делает очередную попытку, пишет в ЦК слезное письмо, объясняет, что «Святослав Рихтер является одним из выдающихся советских музыкантов-исполнителей... что из-за ограничения (восточноевропейскими странами. – С. Х.) его выездов за рубеж он в последнее время находится в подавленном моральном состоянии. Являясь свидетелем широкой зарубежной деятельности своих коллег, в том числе и менее известных музыкантов, С. Рихтер чувствует себя человеком, которому отказано в доверии... С. Рихтер, будучи в тяжелом состоянии, иногда без особых на то причин отменяет запланированные концерты. В то же время, выезжая в страны народной демократии, С. Рихтер всегда держится с достоинством и проявляет себя как скромный советский человек...» и далее в том же духе на нескольких листах.

В заключение Михайлов отмечает, что за Рихтера ходатайствует не только он, но и коллеги-музыканты: пианист Э. Гилельс, виолончелист и дирижер М. Ростропович, скрипач Л. Коган, дирижер К. Кондрашин, пианист Е. Малинин.

Он умоляет «направить С. Рихтера в одну из капиталистических стран – США или Англию». Его, как и раньше, поддерживает Отдел культуры ЦК, Фурцева. Фурцева, курирующая в Секретариате ЦК культуру, постановляет «согласиться» и переправляет документы на заключение в КГБ «лично Шелепину». На сопроводительной записке сохранились пометы: «Тов. Шелепину доложено. Начальник секретариата КГБ» и дальше: «В архив».

Отчаявшись, Рихтер пишет письмо Хрущеву, просит выпустить его хоть на неделю уже не в США, а в соседнюю Финляндию, откуда недавно пришло очередное приглашение. Рихтер умоляет поверить ему, он обязательно вернется. Отец выносит вопрос на заседание Президиума ЦК, объясняет сущность сомнений Шелепина, считает их обоснованными, но недостаточными. По его мнению, доверие к человеку важнее, он ручается за Рихтера. И Святослава Теофиловича, под поручительство самого Хрущева, наконец-то в мае 1960 года выпускают в Финляндию.

В октябре он с оглушительным успехом выступает в Карнеги Холл в Нью-Йорке, в Америке, затем следуют – Англия, Франция, Италия, скандинавские страны и далее гастроли по всему миру, поездки в Западную Германию к матери, награды, премии и многое, многое другое.

День за днем

8 марта отец принимает в Кремле еще одного своего американского «друга», мэра города Сан-Франциско Джорджа Кристофера. Об истории их знакомства я рассказал в «Рождении сверхдержавы».

4 апреля 1960 года состоялся Съезд композиторов России, учредивший свой республиканский Союз. В обширной справке Отдела культуры ЦК дотошно разложены по полочкам все «достижения и недостатки» российской музыкальной жизни, особо отмечается «Одиннадцатая симфония» Шостаковича, за которую автор получил Ленинскую премию 1959 года и «Патетическая оратория» Георгия Свиридова. Записка информирует высокое начальство о появлении талантливой молодежи, в том числе «Родиона Щедрина, Андрея Петрова, Андрея Эшпая, Александры Пахмутовой, Бориса Чайковского, Эдисона Денисова», отмечает, что «в оратории “Нагасаки” аспиранта Московской консерватории Альфреда Шнитке натуралистически изображается хаос атомного взрыва».

Выступая 6 апреля на приеме в Кремле, отец поздравил композиторов РСФСР с «обретением автономии».

Журнал «Октябрь» в апрельском номере публикует повесть Эммануила Казакевича «Синяя тетрадь». Публикация стала возможной только после обращения автора к отцу. Дело в том, что Казакевич взялся за «скользкую» тему совместного пребывания в Разливе, после неудавшейся июльской попытки взять власть в Петрограде, вождей революции Ленина и Зиновьева. В повести Ленин обращается к Зиновьеву «товарищ». Цензура потребовала не только снять обращение «товарищ», но и вообще исключить из текста Зиновьева. Казакевич воспротивился, разгорелся скандал. Когда дело дошло до отца, он попросил от Отдела культуры ЦК объяснений. Приведу некоторые из них: «Автор подходит к оценке Зиновьева не с классовых позиций, а с общечеловеческих, подчеркивая его образованность, якобы субъективную честность и преданность революции» и дальше все в том же духе. «Отдел культуры считает нецелесообразным публикацию повести, в которой на первом плане, наряду с великим Лениным, изображается, как близкий к нему человек, Зиновьев, и не раскрывается последующая роль Зиновьева как идейного врага большевизма, ренегата революции, защитника реставрации капитализма».

И это пишется через четыре года после XX съезда людьми, прекрасно осведомленными о работе комиссии Шверника, не оставлявшей сомнений в том, что все обвинения, представленные на «открытых» процессах, высосаны из пальца.

Сулов встал на сторону отдела, отец – нет. Он вынес вопрос на заседание Президиума ЦК. В своем выступлении отец возмущался: «Как же прикажете Ленину называть Зиновьева, если не товарищ? “Будущий враг народа”?» Сулов промолчал, не стал связываться с Хрущевым, и повесть пошла в набор.

12 – 13 апреля 1960 года отец, находясь в отпуске на государственной даче в Ливадии, проводит совещание о развитии ракетной техники и освоении космоса. Участвуют министр обороны маршал Малиновский, другие заинтересованные министры, ученые, конструкторы. Решают привлечь к работам по ракетно-космической тематике предприятия авиационной промышленности, занятые проектированием и производством стратегических бомбардировщиков. Соревнование с практически несбиваемым ракетами они проигрывают, и ресурсы сосредотачивают на главном направлении.

18 апреля 1960 года американская труппа представляет в Москве мюзикл «Моя прекрасная леди».

Из Крыма отец перебирается на Кавказ. 20 апреля он принимает в Пицунде премьер-министра Новой Зеландии Уолтера Нэша.

24 апреля переезжает в Баку, выступает на торжествах по случаю 40-летия Советского Азербайджана, осматривает буровой поселок Нефтяные Камни, вынесенные далеко в море вышки, качающие нефть со дна Каспия. Это сейчас нефтяными платформами никого не удивишь, а тогда...

29 апреля, по дороге в Москву, отец заезжает в Харьков, проводит совещание в совнархозе, потом едет на турбинный завод, там запустили в производство новую мощную турбину для гидроэлектростанций.

29 апреля и 1 мая 1960 года «Правда», с подачи отца, напечатала заключительную главу поэмы Твардовского «За далью – даль». В ней говорится о коллективизации, о Сталине и даже о кулацком прошлом поэта, воспеваются трудовые подвиги советского народа в нынешние времена и их главный символ – перекрытие Ангары у створа будущей Братской ГЭС. Эта публикация ставит точку в трениях между отцом и Твардовским.

К 1 Мая отец возвращается в Москву, приветствует с трибуны Мавзолея первомайский парад и демонстрацию.

3 мая он, вместе с президентом ЧССР Новотным, открывает в парке Горького Чехословацкую выставку.

9 мая 1960 года к пятидесятилетию Победы в Отечественной войне в Ленинграде открыли Пискаревское мемориальное кладбище, на нем упокоилось более 470 тысяч жертв 901-дневной немецкой блокады. На кладбище зажгли вечный огонь, насколько мне помнится, первый в нашей стране.